

А. В. Захаров

БОЯРСКИЙ СПИСОК ИЗ БИБЛИОТЕКИ Г. А. ПОТЕМКИНА: СУДЬБА ОДНОЙ РУКОПИСИ 1703 ГОДА

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по созданию информационных систем (№ 08-01-12135в).

В статье документально установлено происхождение боярского списка 1703 г. из книжного собрания Г. А. Потемкина, хранящегося в научной библиотеке Казанского государственного университета. Доказывается, что боярский список предназначался для проведения смотра служилых людей в Москве. Сделан вывод о существовании боярских списков «смотра государева» в XVIII столетии.

Ключевые слова: боярский список, источниковедение, Г. А. Потемкин, М. М. Щербатов, М. Г. Спиридов, смотр служилых людей, государев двор, московские чины, Разрядный приказ, библиотековедение.

Разрядные списки московских чинов всегда интересовали исследователей Московского государства эпохи расцвета и имперской трансформации. Материалы поздних боярских и жилецких списков XVIII в. использовали Г. Ф. Миллер, кн. М. М. Щербатов и М. Г. Спиридов. В служебных списках первые русские историки и генеалоги черпали прежде всего практические сведения о родословиях, государственной службе и московских чинах. До сих пор генеалогические розыскания по дворянским фамилиям XVI–XVIII вв. базируются на разрядных списках. В современной историографии они заняли статус важнейшего массового источника по истории государева двора и приказного делопроизводства. Информативные возможности служебных списков как массовых источников качественно возрастают, если исследователь анализирует последовательный ряд документов, которые органически связаны происхождением. Сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) боярские списки 1690–1714 гг.¹ представлены за каждый год. Но согласно переписке и описям Разрядного архива 1710–1730-х гг. чиновные списки составлялись иногда и дважды в год, а до 1719 г. включительно боярские и жилецкие списки заводились ежегодно.

До наших дней два боярских списка XVIII в. одного года сохранились только за 1703 г. В большей степени историков XX в.² привлекал боярский список 1703 г., хранящийся ныне в РГАДА³ (далее в статье он именуется

архивским списком). Менее известен и совершенно не изучен боярский список 1703 г. из коллекции рукописных книг научной библиотеки Казанского госуниверситета⁴. Он интересен в двух отношениях: как документ, раскрывающий новые страницы разрядного делопроизводства, и как рукописный экземпляр, происходящий из библиотеки светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. По этим причинам далее он именуется *потемкинским боярским списком* или *рукописью*.

Происхождение рукописи из библиотеки Потемкина можно восстановить, исходя из интересов екатерининского вельможи и круга его общения. Фаворит императрицы был натурой увлеченной и большим любителем книг. Он собрал библиотеку в 4000 томов, которая предназначалась для Екатеринославского университета, задуманного светлейшим князем и одобренного императрицей в 1784 г.⁵ Но замысел остался втуне из-за скорострительной кончины Потемкина в октябре 1791 в Новороссии. Книги, перемещенные фельдмаршалом на рубеже 1770–80-х гг. на юг России, хранились в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) и в 1793 г. были описаны в подробном каталоге. Среди рукописных книг на русском языке под № 831 значится «Книга 703 года или список российских бояр, в лис[т]»⁶. Рукопись вместе с другими книгами Потемкина перешла по указу Павла I в 1798 г. сначала в казанскую гимназию, а затем в университет, где поныне храниться.

Книги поступали в библиотеку до последнего года жизни властителя Тавриды⁷. Интерес светлейшего к древней российской истории, к истории военной был неизменным. На полках его библиотеки стояли «Краткий российский летописец» Ломоносова, «Историческое изображение России» Богдановича, «Письма фельдмаршала Шереметева», «Опыт исторического доказательства о происхождении россиян от араратцев» Дрюмеля, «Примечания на историю России г. Леклерка» Болтина⁸. Особый интерес Потемкин питал к сочинениям Петровской эпохи. «Рассуждение» Шафирова, царский «Регламент об управлении адмиралтейства» и сочинения Ф. Прокоповича фельдмаршал знал по личной библиотеке.

Потемкин общался и переписывался со многими сочинителями книг. Через кн. М. М. Щербатова весной 1779 г. Потемкин попытался приобрести рукописи («списки») из библиотеки Г. Ф. Миллера. Но академик отказал «его светлости» в продаже рукописей под предлогом нерасторжимости целого собрания, в котором «действительно много редких книг есть, [которые] так между собою соединены, что их одних без других продать невозможно». Главную причину отказа Миллера поведал Щербатов: «...препроведя пятьдесят три года в собрании таковых редкостей, сожальительно ему будет естли они кроме Короны и Государственной архивы, где останутся». Сообщая несостоятельность сделки, Щербатов подогревал интерес светлейшего князя к библиотеке историка, «...ибо когда вы ее торгуете, то некоторое известие конечно имеете, однако позволте о ней яко очевидному свидетелю, и многожды ее выдавшему вашей светлости донести, что в оной кроме печатных многих редких книг, яко Маржарета, Поссевина и других, находится около пятисот связок списков, как собранных из разных архив во время его путешествии, так и которые он разными образами у частных людей достал». Корреспонденты хорошо понимали ценность миллеровского собрания, и Щербатов продолжал: «...списки сии и то имеют достоинство, что они с великою точностию списаны и многие из них такие, которых ни в каких Государственных архивах не находится»⁹. Несомненно, историограф формировал интерес самого влиятельного библиофила к рукописям. Личные пристрастия Потемкина к петровским

раритетам способствовали расширению ценнейшей части собрания. У него появились три рукописи времен Петра I: два сборника указов и боярский список 1703 г.

Боярский список в коллекции светлейшего князя появился, по всей видимости, благодаря кн. М. М. Щербатову. Историограф имел возможность пользоваться богатствами многих частных библиотек и государственных хранилищ. Из переписки с Потемкиным видно, что Щербатов хорошо знал библиотеку Миллера и был им допущен к документам Московского архива коллегии иностранных дел в 1770 г. Спустя год, Екатерина II назначила князя герольдмейстером, а прежде поручала разбирать бумаги Петра Великого. Щербатов занимался в Патриаршей и Типографской библиотеках, работал в Разрядном архиве. Много написано об издании Щербатовым русских исторических источников, но менее известно о его знакомстве с раритетами архива Военной коллегии.

В 1784 г. Н. И. Новиков издал труд кн. М. М. Щербатова «О старинных степенях чинов в России»¹⁰, разъяснявшего происхождение и статус московских чинов. Описание каждой «степени» сопровождалось примерами из книг Разрядного архива. Щербатов одним из первых в российской историографии снабдил ученый труд системой точных ссылок¹¹ на архивные источники. Сочинение было преподнесено Потемкину и осталось в его библиотеке. Небольшая книжка должна была произвести впечатление на светлейшего князя не столько новыми достижениями историографа, сколько ссылкой на интересный документ из ведомства светлейшего князя. Девять раз Щербатов сослался на одну и ту же рукопись, «которая обретается в Военной коллегии» – «список бояр и околничьих и проч. 1703 году». Возможно, знаток древних рукописей выяснил местонахождение документа в бытность Потемкина вице-президентом Военной коллегии, то есть в 1774–1784 гг. В год издания сочинения «О старинных степенях чинов в России» светлейший дорос до генерал-фельдмаршала и президента Военной коллегии. Тогда боярский список 1703 г. находился еще в ведомстве Потемкина, о чем прямо сказано в сочинении. Щербатовская книга не дает однозначного ответа – каким боярским списком пользовался автор: экземпляром, ныне хранящимся в РГАДА, или документом,

попавшем в библиотеку Потемкина. Последнее кажется очевидным, но теоретически нельзя исключить возможность перехода рукописи из Военной коллегии в Разрядный архив. И этот вопрос может быть вполне разрешим.

Зять кн. М. М. Щербатова Матвей Григорьевич Спиридов нашел в сочинениях своего просвещенного тестя образец подражания и источники для своих генеалогических опытов. Сын прославленного адмирала, Г. А. Спиридова предпочел военной службе статскую, увлекся историей и генеалогией дворянства и выпустил в 1793–1794 гг. «Родословный российский словарь» в двух частях¹². В предисловии младший Спиридов раскрыл историю появления «Словаря», над которым трудился совместно с кн. М. М. Щербатовым с 1786 г. до кончины историографа в декабре 1790 г. Автор осознавал трудность выпуска полного словаря, тем не менее «весьма б желал <...>, чтоб никто из благородных пропущен не был и служба каждого б описана была»¹³. Верхним рубежом генеалогических данных «Словаря» стал 1700 г., но Спиридов внес «в сей словарь только список 1703 года, по причине, что в нем прежние чины написаны»¹⁴. Далее этот исторический источник именовался как «Список чиновной 1703 года; из книгохранильницы покойного кн. М. М. Щербатова». Оказывается, что в библиотеке Щербатова и в каталоге книжного собрания Потемкина 1793 г. одновременно фигурирует одна и та же рукопись – боярский список 1703 г.

В начале 1790-х гг. продолжалась подготовка «Словаря»: «...по кончине его [Щербатова. – А. З.], – писал Спиридов, – продолжал уже я один выбирать и выписывать из разных книг для сего словаря, и пройдя все у меня имеющиеся книги, и те, кои мог достать у других <...> привел все в азбучной порядок, и составил из них сей словарь». Особо отмечались книги, над которыми лично «трудился» Щербатов, но «чиновный список 1703 г.», обрабатывал именно Спиридов. Он и причислил источник к «письменным книгам», из которых «Родословный словарь» «выбран, выписан и составлен»¹⁵. Для первой части «Словаря» из рукописи выбирались все фамилии дворян на букву «А», во второй части – на «Б». Последующий материал встречается в неопубликованной книге «О службах российских благородных родов»¹⁶.

В сочинениях Спиридова каждое известие

о персоналиях по боярскому списку 1703 г. записывалось полной именной формулой, отмечался чин, пометы и номер позиции, подсчитанной автором, например: «Аленин род <...> Степан Борисов сын – в 1703 г. двести пятой стольник в начальных людях показан»¹⁷. Нумерация персоналий спиридовского «Словаря» полностью идентична расположению фамилий только одного из боярских списков XVIII в. – потемкинской рукописи. Сомнения в тождественности «чиновного списка 1703 г.» из библиотеки Щербатова и потемкинской рукописи окончательно развеивает следующее наблюдение. В рукописи имеется значительная лакуна – отсутствует 8 листов перечней стольников, имена которых можно восстановить по боярскому списку 1704 г. Такой возможности автор «Словаря» не имел, поэтому из его поля зрения выпало несколько фамилий¹⁸. Кроме того, в «Словаре» воспроизведена ошибка рукописи: вместо фамилии Аничкова написано «Анненков»¹⁹. Пропуски и несовершенство своего «Словаря» Спиридов воспринимал настолько критично, что практически уничтожил весь тираж уже изданных частей²⁰. Буквально чудом после его смерти уцелело три экземпляра первой части и один том – от второй. Поэтому маловероятно, что столь педантичный автор во время напряженной подготовки «Словаря» к изданию мог расстаться с боярским списком 1703 г. – с рукописью из «книгохранильницы» своего тестя.

Но при каких обстоятельствах рукопись могла упоминаться одновременно в 1793 г. в двух библиотеках Щербатова и Потемкина? В предисловии спиридовского «Словаря» отмечено, что автор работал с книгой формата «в лист», но не известно – был это оригинал или копия с рукописи. Скорее всего, Спиридов работал с копией боярского списка, обнаруженного кн. Щербатовым в Военной коллегии. Титулованный историограф, вероятно, скопировал документ, показавшийся ему уникальным своей полнотой о петровском дворянстве. Позже Спиридов десятки раз ссылался на эту копию рукописи 1703 г., указывая точный номер позиции каждой фамилии, но в потемкинской рукописи не обнаруживается никаких следов подобных пометок. Правда, нельзя исключить вероятность составления автором специальной картотеки персоналий.

На основании реконструкции судьбы рукописи совершенно точно можно заключить, что пост президента Военной коллегии не помешал Г. А. Потемкину перевести рукопись 1703 г. в личное постоянное или временное пользование. Вероятно, вместе с рукописью к Потемкину попали и два рукописных сборника указов Петра I²¹. Было это случайным стечением обстоятельств или светлейший намеревался вернуть документы в Военную коллегию, ответить можно только предположительно; екатерининский вельможа не придавал этому большого значения.

В первой половине XIX в. боярский список 1703 г. из собрания Потемкина не фигурировал в научных публикациях. Только в 1850-е гг. сотрудник библиотеки Казанского университета магистр русской истории А. И. Артемьев кратко описал состояние рукописи²². Он показал типичные пометы, подсчеты служилых людей по рубрикам документа. Однако ошибочные цифры самой рукописи не проверялась описателем и численность многих перечней была преувеличена в десятки раз. Опись университетских казанских рукописей дважды вышла после смерти Артемьева²³. Библиограф не ставил задач внешней и внутренней критики документа, не знал, что работает с боярским списком редкой разновидности. Полное название рукописи ему было известно по ярлыкам на переплете, которые сейчас не сохранились²⁴. Верхний правый угол первого листа, вмещавшего часть заглавия, был утрачен еще до описания университетской библиотеки. Эти лакуны сейчас восполняются (в квадратных скобках) по типичному заголовку боярских списков: «[Список бояр и] окольныхчих / [и ду]мных / [и ближних] люди / [и столни]ков, и стря / [пчих] и дворян / [мос]ковских и дьяков / и жильцов нынешняго 1703-го году». Некоторые внешние особенности рукописи не были указаны Артемьевым²⁵. Упоминание жильцов необычно для боярских списков первого десятилетия XVIII в., но список жильцов рукопись очевидно не имела уже при Потемкине.

В истории потемкинских боярских списков очень важен вопрос о его происхождении и назначении в приказном делопроизводстве. Предысторию рукописи могут прояснить упоминания о чиновных списках 1703 г. в Разрядном приказе и Разрядном архиве, созданном после основания Сената в 1711 г.

Удалось обнаружить только одно свидетельство о переплете боярских списков за 1703 г. В книге записной разрядных неокладных расходов 1703–1705 гг. имеется запись: «...в нынешнем 1703-м году марта в 12 день по указу великого государя [далее – в. г.] [титул] в Розряде переплетен боярской список <...> в телятинную белую кожу с напыском и набит золотом и серебром <...> Справил Иван Топилскои»²⁶. Рукопись не имеет никаких следов упомянутого переплета, но описание золотого обреза совпадает с современным состоянием боярского списка 1703 г. из коллекции РГАДА. В ведомости подготовленных к посылке в Санкт-Петербург разрядных книг среди документов, в том числе, посвященных царским смотрам служилых людей, упоминается «черной список 1703 г.»²⁷. В описи Разрядного архива 1732 г. кратко говорится о трех книгах из помытья боярских списков: «1703 – две, третья отставным»²⁸. Можно с большой долей вероятности утверждать, что изучаемая рукопись хранилась среди разрядных книг. Во всяком случае, в Разрядном архиве из книг 1703 г. числился список отставных чинов и два чиновных списка 1703 г., один из которых был «черным» списком. Этот особый подвид, надо полагать, был представлен документами предварительными, не предназначенными для длительного заполнения учетной информацией.

Архивский и потемкинские боярские списки 1703 г. несколько различны по структуре и содержанию помет. Архивский список – это типичный боярский список «подлинник», который предназначался для фиксации полного состава государева двора и текущего учета службы в течение года или нескольких месяцев. В потемкинском списке появляются несколько новых рубрик: «По смотру на Генералном дворе оставлены для посылок» из стряпчих (Л. 184–186 об.) и аналогичная по названию рубрика для дворян московских. В рукописи отсутствует тетрадь № 14, состоявшая из 8 листов. В ней, без сомнения, находились: окончание списка «отставных» стольников, полные рубрики других отставных стольников «из новокрещенов» и «из смоленской шляхты», новая по сравнению с архивским списком рубрика стольников «По смотру на Генералном дворе оставлены для посылок». Архивский список не имеет перечней «оставленных для посылок» стольников, стряпчих и дворян. Впервые три такие ру-

брики появляются в потемкинской рукописи и позже в боярском списке 1704 г. с добавлением в заголовках годовой отсылки: «В прошлом 703-м году (по смотру на Генеральном дворе оставлены для посылок)».

Численность людей по рубрикам двух списков 1703 также различается²⁹. Все лица, обозначенные в архивском списке пометами «по смотру на Генеральном дворе оставлены для посылок», переводились из основных рубрик стольников, стряпчих и дворян в новые вышеназванные рубрики. Уменьшение персонального состава основных рубрик в потемкинском списке, по сравнению с архивским, имеет и другую причину. Значительное число людей, отмеченных в архивском списке пометой «умре» или «постригся», не вошли в рукопись. Самые многочисленные (152) пометы касаются нетчиков. Эти пометы написаны в различных вариантах: «на смотре не был, велено выслать в Шлотбурх», «на смотре в нетех»; и дважды уточняются детали: «за неты, что на смотре не был в Кашине сидит в тюрьме», «в Столовой палате на смотре не был, велено выслать в Шлотбурх».

Почему же составителей потемкинского списка особо интересовали нетчики, пропустившие смотр в Столовой палате? Смотры московских чинов, упомянутых пометами списков, давно заслуживают специального исследования. Именно на смотрах раскраивалась ткань организации чинов Государева двора; как лоскуты переменялись перечни людей, отправляемых на службу. На смотрах 1703 г. царедворцы назначались в полковые «начальные люди»³⁰, «в ученье»³¹, «на службу»³² или получали «льготы» – отсрочки от службы³³, отставку по старости и болезням. Также составлялись списки людей, бывших «в естех» (явившихся на смотр) и «в нетех» (пропустивших смотр). Первым по времени большим смотром московских чинов дирижировал сам царь 26–27 января на Генеральном дворе в селе Преображенском³⁴. Некоторые служилые не успели явиться вовремя на этот смотр, и были записаны в число прибывших после срока³⁵. По результатам смотра были составлены перечни людей, «оставленных для посылок». Рубрики «посыльных» впервые появились именно в потемкинском списке. Смотры 1703 г. следовали беспрерывно. Уже 27 февраля на Постельном крыльце объявлялся следующий смотр – в Столовой палате Кремля³⁶, а выбранные царедворцы высы-

лались на подкрепление к Б. П. Шереметеву под крепость Ниеншанц³⁷. Через 2 недели после успешного штурма этой шведской крепости, переименованной в Шлотбурх³⁸, другие источники запечатлели основание Санкт-Петербурга.

Надо полагать, многие царедворцы, проживавшие вне столицы, не успевали к мартовскому смотру. Около половины не показались в Столовой палате и были отмечены в нетчиках³⁹. Разрядный приказ вновь записал всех «поздноприездцев», которые в обновленном списке нетчиков⁴⁰ отмечались пометой «явился после смотру». Опоздавшие служилые люди могли реабилитироваться, но правительство беспрекословно следовало царским повелениям к отъявленным нетчикам. По указу от 3 июля⁴¹ было объявлено о двух предстоящих смотрах в Москве и высылке нетчиков. Царедворцы, бывшие на февральском смотре и «оставленные для посылок», должны были явиться к 1 сентября «и приезды свои записывать в Розряде»⁴². Грамоты о смотре были разосланы воеводам, которые к сентябрю высылали из своих городов стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов⁴³. Также «по писму из Шлотбурха» предписывалось служилым людям московских чинов, которые «у смотру в Столовой палате не явились и написаны в нетех выслать на свою в. г. службу в Шлотбурх к указному сроку августа к 15-му числу». Непослушникам царь грозил смертной казнью, о чем вторили грамоты воеводам, «а по городовым воротам были прибиты письма»⁴⁴. Такова предыстория появления помет потемкинской рукописи о нетчиках, отправляемых в Шлотбург.

Другие пометы и сравнение чиновных перечней боярских списков 1703 г. помогают установить время составления потемкинского списка. В архивском боярском списке 1703 г. имеются несколько датированных записей. В рукопись не вошли собственно фамилии (и датированные пометы о смерти) стольников кн. Б. Ф. Долгорукого (25 июня), кн. П. Г. Щербатова (30 июля) и боярина В. Ф. Стрешнева (22 августа), как и записи о других лицах с более ранними пометами о смерти. При этом в рукописи имеются фамилии девяти человек, которые в архивском списке значатся с поздними пометами о смерти от 6 сентября до 25 декабря 1703 г. Кажется, будто эти пометы не учтены в рукописи, но это можно объяснить логически.

В момент составления рукописи поздних помет в архивском списке не было, иначе бы фамилии умерших не появились в рукописи. Действительно, «отписки» от провинциальных воевод о смерти служилых людей московских чинов запаздывали в Разряд, а срок задержки зависел от времени получения воеводой сведений и почтового сообщения, что в целом составляло не менее одного месяца. Еще точнее датировать потемкинскую рукопись помогает запись о пожаловании дьячества в архивском списке. Перечень дьяков потемкинского списка завершает фамилия руководителя Ингерманландской канцелярии А. Я. Шукина. Пожалование дьячества 30 сентября 1703 г. этой известной креатуре Меншикова вошло в рукопись без датировки. Поэтому границами составления рукописи должен быть промежуток с октября до начала декабря 1703 г. При более позднем времени составления в заголовке боярского списка упоминался бы другой год.

Пометы рукописи гораздо беднее архивского боярского списка и по числу, и по тематике. Совершенно отсутствуют пометы о дворовладении, которые обыкновенно сопровождали боярские списки «подлинники». В основном встречаются пометы о ссылке («в деревне до указа», «в ссылке»), нахождении в плену («в полону»), в посольстве («во Францыи», «в Вене з Голицыным»), о физическом состоянии («слеп»). Значительно больше помет о воеводстве и разнообразных поручениях («в Красноярском», «в Можайску», «в Новгороде у готовности сен», «на службе», «у стрельцов головою»), но практически лишены помет списки отставных чинов. Едва ли не на каждом листе (с перечня стольников) стоят пометы о нетчиках мартовского смотра в Столовой палате. Только однажды в рукописи, видимо, по ошибке копирования перечня, появляется помета «умре»⁴⁵. Такие пометы были всегда сигналом переписчику, оповещая об исключении фамилии умершего человека из нового боярского списка. Кроме многочисленных записей о нетчиках, уникальными можно считать еще несколько помет. Они не имеют аналогов в архивском списке 1703 г.: «на Дону для сыску беглых крестьян» (стольник М. Н. Кологривов), «послан на Олонецкую верфь» (стольник И. В. Кикин), «на службе» (стольник Д. Е. Бахметев), «из Семеновской приказной полаты у дел» (стольник И. И. Неелов), «в Можайску»⁴⁶ (стольник

П. Т. Савелов) Одна запись косвенно показывает источник уникальных сведений, она уточняет помету напротив имени стольника Д. М. Ермолова «в Азове» дополнением «по росписи». Подобные «росписи» людей московских чинов о географии и содержании службы регулярно поступали по запросу Разряда из других приказов, но в этом случае часть данных почему-то не отразилась в боярских списках 1703–1704 гг. Видимо, одна из «росписей» оказалась в момент составления рукописи под рукой у писцов. Более ясно другое – потемкинский боярский список после составления не пополнялся текстовыми пометами⁴⁷, были опущены записи о смерти служилых людей, пометы о дворовладении всех чинов, о воеводстве отставных служилых, и других категорий царедворцев, не подлежащих смотру. Все это говорит о специфических задачах подготовки рукописи.

Непосредственное назначение рукописи трудно установить, исходя только из содержания помет и соотношения чиновных перечней разной документации. Актуальными для делопроизводства второй половины 1703 г. в рукописи могли быть сведения о самом последнем смотре. Но «государский смотр в Москве в сентябре 1-го числа», видимо, не состоялся. Петр I находился в это время на Олонецкой «ладейной» верфи и в Александро-Свирском монастыре. Прибыв в Москву 12 ноября, царь подтвердил «по прежнему своему в. г. указу» новый смотр. Царедворцы от стольников до жильцов, которые находились в Москве, в городах «у дел» и на воеводствах и были на мартовском смотре в Столовой палате, вызывались вновь к 1 декабря. От нового созыва освобождались только воеводы и приказные люди Киева, Астрахани, сибирских городов, Азова, Троицкого, Белгорода, Каменного Затона, Севска и Курска⁴⁸. Возможно, поэтому в рукописи тщательно воспроизводились сведения о воеводствах из архивского боярского списка, а пометы об учении («в школе для науки») не переписывались, так как «школьники» не отправлялись на смотр.

Правительство приложило все усилия для устройства декабрьского смотра. Разрядный приказ предупреждал воевод, которые «в высылке поноровку учинят <...> ничем не отлыгаться и ни о чем ложью не описываться, а если по сему в. г. указу не учинят, и за то тем преслушникам учинена будет без пощады смертная казнь <...> а в города к воеводам,

которые ведомы в Розряде послать свои в. г. грамоты с росписями, с подкреплением»⁴⁹. Таким экспрессивным языком выражалась воля законодателя и создавалась мотивация разрядных служащих к тщательной подготовке смотра.

Разрядная документация декабрьского смотра сохранилась частично. Благодаря окольниковому И. А. Желябужскому, становятся известны организаторы и редкое описание смотра: «И по указу государеву изо всех городов велено быть воеводам к Москве к смотру, также которые были в посылках, декабря к 1 числу, и о том в города посланы грамоты. И всех воевод и посыльных людей изволил смотреть сам государь в Преображенском на Генеральном дворе, а кликали по одному имени; кликал разрядный дьяк Федор Замятнин, а государь изволил смотреть по тетради и ставить крыжи над именами»⁵⁰. Современник событий упоминает Федора Игнатьевича Замятнина, хорошо знавшего устройство полковой и приказной службы. Он получил дьячество в 1691 г. и на несколько лет был отправлен в Севск, а спустя 10 лет «был на службе» в полку Б. П. Шереметева⁵¹. Поэтому не случайно, по возвращении в Москву, он стал правой рукой царя на смотре. Документ 1703 г., похожий по содержанию на «тетрадь», которую «государь изволил смотреть <...> и ставить крыжи над именами», сохранился в архиве как список московским чинам, «которые ныне были в городех на воеводствах и в посылках, и у дел, а ныне им велено быть к смотру декабря к 1-му числу»⁵².

Так называемая «тетрадь» государева смотра содержала только выборку чинов московского списка: воевод и людей «в посылках, и у дел». Нет сомнений, что какие-то экземпляры боярских и жилецких использовались на смотрах, как, например, «жилецкий список нынешняго 1703-го году, по которому в Столовой палате смотр был»⁵³. Поэтому и боярский список 1703 г. мог потребоваться на смотре. Он был незаменим в качестве справочника, расширявшего поле зрения строителей смотра и облегчавшего поиск сведений по всем чинам Государева двора. Имеется и дополнительный аргумент в пользу этого вывода. На каждом листке потемкинского боярского списка поставлена скрепа «Ди-акъ-Фе-дор-Замят-нин». Таким образом, действительно разрядный дьяк Ф. Замятнин отвечал за подготовку документации к смотру и достовер-

ность сведений, выбранных из архивского боярского списка 1703 г. В конце рукописи содержится справа подъячего, сверявшего текст потемкинского боярского списка с архивским: «Смотрил Иван Меншой Топилскои»⁵⁴.

Итак, Разряд основательно готовился к декабрьскому смотру 1703 г., но, по всей видимости, к октябрю в приказе еще не было актуального сводного чиновного списка. В архивском боярском списке не были сведены воедино перечни людей, «оставленных для посылок» (по смотру на Генеральном дворе), визуально не выделялись пометы о воеводстве и службе, а списки нетчиков смотра Столовой палате утратили информативность, бесконечно дополняясь записями о прибывших позже срока. Восполнить сведения должен был потемкинский боярский список, подготовленный для смотра, который проходил после возвращения царя в Москву из Воронежа 17 декабря.

Изучаемая рукопись, будучи по формуляру похожа на боярский список-«подлинник», по своему назначению не соответствует трем известным подвидам боярских списков XVII в. («подлинным», «наличным» и «половинным»). С точки зрения предназначения и функционирования в приказном делопроизводстве, рукопись может быть причислена к боярским спискам «государева смотра».

Судьба потемкинской рукописи в делопроизводстве Разряда была закономерной. Рукопись не аккумулировала все записи, необходимые для типичного боярского списка «подлинника». Фактически был создан особый подвид боярского списка «подлинника», который устраивал, прежде всего, организаторов смотра. При подготовке такого документа не обошлось без издержек. В рукописи было допущено несколько ошибок, которые были неприемлемы для типичного боярского списка «подлинника», удостоверенного скрепой⁵⁵. Все виды помет и сведений, «пропущенные» в рукописи, разрядные писцы вновь восстановили в 1704 г., но по архивскому боярскому списку 1703 г. Благодаря выбору правильного образца, ошибки рукописи не могли повториться в боярском списке 1704 г. Интересно, что подавляющее большинство помет о нетчиках по смотру в Столовой палате 1703 г. более не воспроизводились в боярских списках. Потемкинский список не мог стать протографом более поздней, аналогичной по форме документации. Вследствие

узкого назначения и множества лакун, сведения рукописи утратили актуальность сразу после завершения смотра⁵⁶. Поэтому новоизобретенный список мог быть отправлен в Приказ Военных дел, а спустя годы перейти в Военную коллегию, где был обнаружен кн. М. М. Щербатовым и по достоинству оценен светлейшим кн. Г. А. Потемкиным.

История судьбы потемкинской рукописи из библиотеки Казанского университета помогает уточнить представление об источниках формирования одной из знаменитых библиотек екатерининской эпохи. Реконструкция происхождения рукописи расширяет перспективы изучения делопроизводства Московского стола Разрядного приказа и ежегодных многочисленных смотров царедворцев, в контексте которых необходимо изучать организацию службы чинов Государева двора. Составление разрядных чиновных списков в период Северной войны отражало не только традицию, но и чрезвычайную необходимость в организации армии и службы московских чинов. Потемкинский боярский список предназначался специально для государева смотра в декабре 1703 г. как список «черный» и, видимо, не получил широкого применения в последующей практике приказного управления. Дворовладение, динамика служебных назначений и физического состояния служилых людей не учитывались в потемкинской рукописи, что отличает ее от типичного боярского списка «подлинника». Существование списков «смотра государева» как подвида боярских списков в XVIII столетии до сих пор не отмечалось в источниковедении. Справедливо поставить и новые вопросы в исследовании разрядной документации. Необходимы новая классификация, определение объема существовавших памятников делопроизводства, анализ практического использования и достоверности сведений. Приблизить решение ряда проблем может публикация потемкинской рукописи в рамках интернет-проекта «Боярские списки XVIII века»⁵⁷.

Примечания

¹ В том числе недавно выявленная копия боярского списка 1714 г., подготовленная для смотра царедворцев в 1721–1722 гг. См.: Неизвестная подлинная копия боярского списка 1714 г. // Вестн. Челяб. гос. ун-та.

История. 2009. № 23, вып. 33. С. 144–150.

² Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 210–211; Poe, M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century : in 2 vols : Marshall Poe, Olga Kosheleva, Boris Morozov, Russell Martin. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russians “Sovereign’s Court”, 1613–1713. Helsinki, 2004. P. 357–359.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 49.

⁴ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета. № 4538 (Далее – РКП). Благодарю Э. И. Амерханову и М. Р. Белоусова за предоставленную возможность работы с рукописью.

⁵ Артемьев, А. И. Библиотека императорского Казанского университета // Журн. М-ва нар. просвещения (далее – ЖМНП). Ч. 70. 1851. Отд. 3. С. 83–88; Болотина, Н. Ю. Личная библиотека светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического // Книга : исследования и материалы. Сб. 71. М., 1995. С. 258.

⁶ РГАДА. Ф. 17. Ед. хр. 262. Л. 54.

⁷ В каталоге, в частности, значатся: Безу, Э. Навигационные или мореходные исследования. Ч. 1–2. СПб., 1790–1791; Бакюлар д’Арно, Ф. Т. М. де. Вальмье. Истинное приключение. СПб., 1790.

⁸ Ломоносов, М. В. Краткой российской летописец с родословием. СПб., 1775; Богданович, И. Ф. Историческое изображение России. СПб., 1777; Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника малтийского, с. апостала Андрея, Белаго орла и пруссака ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. 3. СПб., 1779; Дрюмель, И. Г. Опыт исторического доказательства о происхождении россиян от араратцев, как от первого народа после всемирного потопа. СПб., 1785; Болтин, И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 389. Ч. 2. Д. 2. Л. 13–14.

¹⁰ Щербатов, М. М. О старинных степенях чинов в России, в которых благородные службу производили, и как были из одной в другую жалованы; Также о чинах и о их должностях. М., 1784.

¹¹ В 60-страничном сочинении было сделано около сотни ссылок.

- ¹² Спиридов, М. Г. Родословный российский словарь. Ч. 1. Буква «А». М., 1793. Ч. 2. Буква «Б». М., 1794.
- ¹³ Там же. Ч. 1. С. IX–XV.
- ¹⁴ Там же. С. XV.
- ¹⁵ Там же. С. XVI, XX–XXI.
- ¹⁶ Ссылку на данное сочинение привел издатель материалов о дворянах Голохвастовых, один из которых «Осип Михайлович... в Записках М. Спиридова, в 1703 году, показан тридцатым в отставных стряпчих». Этот номер соответствует рукописи. См.: РКП. Л. 179 об. (здесь и далее указана арабская пагинация рукописи, сделанная внизу страницы); Голохвастов, Д. П. Акты дворян Голохвастовых // ЧОИДР. 1847. № 5. Смесь. С. 102, 115.
- ¹⁷ Там же. С. 115; Спиридов, М. Г. Указ. соч. С. 88. Спиридов указывал пометы о воеводстве, но избегал помет о неявке на смотр.
- ¹⁸ В первой части «Словаря» нет упоминаний Н. А. Аипова, М. А. Аксакова, И. Я. Алябьева, К. И. Аничкова; Е. Т. Алымов упомянут не по боярскому списку. Вторая часть словаря сохранилась в одном экземпляре, и, к сожалению, была не доступна для анализа, но можно предположить, что она не имеет ссылки на «чиновный список 1703 г.» по девяти именам: Г. А. Бартенев, А. П. Бахметев, Я. В. Безобразов, Е. И. Беклемишев, Н. Д. Бердяев, А. С. Биглов, И. А. и Т. И. Боборыкины, Е. С. Болотников; Спиридов, М. Г. Указ. соч. С. 160–162.
- ¹⁹ См.: РКП. Л. 83.
- ²⁰ Остроглазов, И. М. Библиографические заметки // Рус. арх. 1890. Кн. 7. С. 338–339.
- ²¹ Совпадают, по крайней мере, названия и хронология одного из сборников указов в каталоге библиотеки Потемкина 1793 г. и в описании конца XIX в. См.: РГАДА. Ф. 17. Ед. хр. 262. Л. 54 об.; Артемьев, А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета. СПб., 1882. С. 48, 54–57.
- ²² Артемьев описал рукопись в конце 1840-х гг., переехав в столицу в 1852 г., напечатал описание. См.: Артемьев, А. И. : 1) Библиотека императорского Казанского университета // ЖМНП. Ч. 72. 1851. Отд. 3. С. 15–16; 2) Исторические рукописи библиотека императорского Казанского университета // ЖМНП. Ч. 90. 1856. Отд. 3. С. 25–29.
- ²³ Артемьев, А. И. Описание рукописей... С. 48–51; также см.: Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1884. Вып. 7. Отд. 3. С. 48–51.
- ²⁴ В настоящее время на корешке две наклейки, сверху: «Д. К. 1569» (здесь и далее данный номер зачеркнут красным); внизу «4.538»; тиснение корешка XIX в.: «Список бояр и окольных». На верхней крышке переплета наклейка в верхнем левом углу: «Список бояр, окольных XVIII в. Кн. № 1569. I/93. Рук. № 4538».
- ²⁵ Размер верхней крышки переплета 218×338 мм, размер листа (Л. 33) 210×328 мм. Толщина корешка 48 мм. Рукопись реставрирована. Цвет чернил основного текста черный и темно-коричневый, цвет дьяческой скрепы – черный. Две пагинации страниц, сверху – кириллическая, внизу – арабская. Последний лист обозначен сверху цифирью «294», внизу – «283». Пустые («порозжеи») листы не имеют арабской пагинации.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 ж (Книги Денежного стола). Ед. хр. 37. Л. 131.
- ²⁷ Опись документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. 1. С. 116.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 186 об.
- ²⁹ Численность рубрик потемкинского боярского списка, неверно указанных в описании Артемьева, такова: стольники – 1199 чел.; стольники отставные (неполный перечень вследствие утраты листов) – 322 чел.; стольники в начальных людях – 323 чел.; стряпчие – 686 чел.; стряпчие в начальных людях – 351 чел.; дворяне московские – 283 чел.; дворяне моск. отставные – 703 чел.; дворяне моск. в начальных людях – 253 чел.; дьяки – 130 чел.
- ³⁰ «Список стольников и стряпчих и жильцов, которые по смотру в Столовой палате выбраны в начальные люди нынешняго 1703-го году». В рукописи под списком стольников и стряпчих справа И. Топильского; под списком жильцов – М. Бовыкина. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 295–314. Копию этого списка, но с отметками о выборах «в кадеты в пешие» см.: Там же. Л. 315–330 об.; смотр стольников, выбранных в Золотой палате 13 марта см.: Там же. Л. 331–334; там же смотр 16 марта стряпчих и жильцов см.: Там же. Л. 335–337 об.
- ³¹ Список стольников, стряпчих и жильцов, отпущенных 27 марта «из ученья» у

полковника кн. И. Львова, которые явились к 9 мая 1703 г. или «без указу в деревни съехали». См.: Там же. Л. 340–345; «Список разных московских чинов, кои были в ученье кн. Ивана Лвова и ученье по артикулу умеют». См.: Там же. Оп. 7а. Ед. хр. 48. Л. 330–334.

³² Списки служилых в том числе по смотру 17 марта в Столовой палате, оставленных «в ученье», и в полковую службу. См.: Там же. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 346–375; список москвичам по разбору генерал-майора И. Чамберса, которые «написаны в службу». См.: Там же. Оп. 7а. Ед. хр. 48. Л. 335–358.

³³ Список присланных в Разряд 17 марта «быть в полковой службе по прежнему». См.: Там же. Л. 339.

³⁴ См.: Там же. Л. 385–410.

³⁵ См.: Там же. Л. 411–416 об.

³⁶ Согласно письму Петра I к Т. Н. Стрешневу смотр именовался «ваш и Бориса Петровича», хотя Б. П. Шереметев в Москве не был. См.: Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБ). Т. 2. СПб., 1889. С. 182.

³⁷ По указу 9 марта 1703 г. люди московских чинов, выбранные в Столовой палате, отсылались к 1 мая в Псков в Большой полк Б. П. Шереметева, будучи назначенными в старшие и младшие офицеры, «и в одьютанты и в кадеты» или направлялись в полк генерал-майора И. Чамберса, для чего списки выборных отправлялись из Разряда в военный приказ. См.: РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 3. Л. 1 об.–2 об.

³⁸ Крепость и город Ниеншанц (иначе Канцы) завоеваны у шведов 1 мая 1703 г. и были названы Шлотбурхом (нидерл. Slotburg – Замок-город).

³⁹ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 417–543 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 544–573 об.

⁴¹ ПБ. Т. 2. С. 182, 570.

⁴² См.: РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 3. Л. 4 об.

⁴³ Так, воевода Белева И. Пушкин сообщал 24 августа 1703 г. о получении разрядной грамоты от 21 июля о созыве людей к смотру и сообщал две росписи, по одной из которых 25 «отставных белевских помещиков и вотчинников» московских чинов должны были явиться в Разряд, чтобы записаться к смотру; во второй росписаны нетчики, отправляемые в Шлотбурх. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 7б. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 537–543, 615–624, 636–641 и след.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 3. Л. 4 об.–5.

⁴⁵ Помета и именная формула отставного дворянина московского А. А. Хотяинцева проставлены одними чернилами и почерком. См.: РКП. Л. 226 об.

⁴⁶ Так же отмечено воеводство Савелова в боярском списке 1702 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 140 об.

⁴⁷ Определить смысл и время появления графических и буквенных символов «+», «,», «Е» (иногда в полном наборе напротив одного имени) в списках думных чинов и комнатных стольников, кажется, невозможно.

⁴⁸ ПСЗ-I. Т. 4. № 1947, 1935.

⁴⁹ Там же. № 1947.

⁵⁰ Желябужский, И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I : записки русских людей. М., 1990. С. 313. Этот фрагмент в записках Желябужского следует после сообщения о взятии Нарвы 1704 г., но, без сомнения, должен быть датирован 1703 г. Во-первых, во фрагменте практически повторяется известный именной указ от 3 июля 1703 г., объявлявший начало записи к смотру с 1 декабря 1703 г. Во-вторых, до описания смотра сообщается о походе Б. П. Шереметева из под Нарвы и Дерпта во Псков, что согласно походному журналу генерал-фельдмаршала состоялось осенью 1703 г. В-третьих, во фрагменте говорится о приезде Петра I в Москву в ноябре, что было в 1703 г., в 1704 г. царь приехал в столицу 19 декабря. См.: Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) Бориса Петровича Шереметева // Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. Т. I, ч. III. СПб., 1871. С. 140–142.

⁵¹ Там же. С. 66; См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 292.

⁵² Там же. Оп. 7а. Ед. хр. 48. Л. 302–329.

⁵³ Там же. Оп. 7б. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 733 об.

⁵⁴ Подпись или так называемая справа И. П. Топильского часто встречается в разрядной документации, он числился в повытье боярского списка московского стола с окладом 6,5 р. См.: Там же. Оп. 6 ж (Книги Денежного стола). Ед. хр. 37. Л. 180. В Разряде одновременно служили несколько Топильских: Иван Степанович дослужился до дьяка в 1704 г., показан умершим в боярских списках 1709–1710 гг.; Иван Меньшой Петрович, возможно, был младшим братом Ивана Большого Петровича.

⁵⁵ Ошибки и опiski в потемкинском боярском списке 1703 г.: 1) фамилия стольника И. И. Аничкова написана «Анненков»; 2) при переписке архивского экземпляра в пяти случаях были пропущены пометы «в начальных людях», что помешало составителю рукописи причислить имена данных лиц к перечню «стряпчих в начальных людях», аналогичная ошибка в перечне дворян по записи Л. И. Максимова была замечена и исправлена; 3) в начале списка дворян помета «в Рославле» от имени Грекова перемещена к И. И. Сухотину.

⁵⁶ Перечни людей, оставленных «по смотру на Генералном дворе для посылок» потемкинской рукописи перешли в боярский список 1704

только по заглавию и форме, как необходимая часть, но по информативности и содержанию они отличаются. В списке 1704 г. окончания перечней «посыльных» по стряпчим идентичны, дополнены всего одной фамилией; перечень дворян «для посылок» в 1704 г. меньше на 7 человек, но последовательность списка совершенно нарушена, что не возможно допустить при использовании рукописи в качестве протографа боярского списка 1704 г. Все записи имен боярского списка 1704 г. сопровождаются сведениями, чего нет в рукописи.

⁵⁷ <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl>.